
ПРАВО В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ THE LAW IN A STATE AND PERSON LIFE

Научная статья

УДК 342.729

DOI: 10.35854/2219-6242-2023-2-230-239

Ограничение конституционного права на проведение публичных мероприятий в условиях режима уровней реагирования

Дмитрий Алексеевич Моисеенко^{1✉}, Николай Николаевич Жильский²

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹ dimos97ss@gmail.com ✉

² zilskiy.@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-1620>

Аннотация. В настоящем исследовании авторами рассмотрена возможность ограничения конституционного права на проведение публичных мероприятий ввиду режима уровней реагирования с фактической и юридической точки зрения. Дана оценка возможности ограничения права на публичные мероприятия в условиях военного положения и производного от него режима уровня реагирования в контексте соответствия нормам Конституции РФ. Установлены основания, при которых ограничение рассматриваемого права может быть признано допустимым. Охарактеризована юридическая возможность ограничения права на публичные мероприятия. Сделан вывод о наличии фактических оснований для применения ограничительных мер в отношении свободы публичных мероприятий в условиях среднего уровня реагирования и при отсутствии законодательной базы для этого.

Ключевые слова: публичные мероприятия, военное положение, режим уровня реагирования, ограничение прав, конституционное право

Для цитирования: Моисеенко Д. А., Жильский Н. Н. Ограничение конституционного права на проведение публичных мероприятий в условиях режима уровней реагирования // Социология и право. 2023. Т. 15. № 2. С. 230–239. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-230-239>

Original article

Limitation of the constitutional right to hold public events under the regime of response levels

Dmitriy A. Moiseenko^{1✉}, Nikolay N. Zhilskiy²

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

© Моисеенко Д. А., Жильский Н. Н., 2023

² St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
St. Petersburg, Russia

¹ dimos97ss@gmail.com✉

² zilskiy.@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-1620>

Abstract. In this study, the authors examined the possibility of limiting the constitutional right to hold public events in view of the response levels regime from a factual and legal point of view. The possibility of restricting the right to public events under martial law and the response level regime derived from it in the context of compliance with the norms of the Constitution of the Russian Federation is assessed. Established the grounds on which the restriction of the right in question may be recognized admissible. The legal possibility of restricting the right to public events is characterized. The conclusion is made about the presence of actual grounds for the use of restrictive measures in respect of freedom of public events in the conditions of the average level of response and in the absence of legislative basis for this.

Keywords: public events, martial law, response level regime, restriction of rights, constitutional law

For citation: Moiseenko D.A., Zhilskiy N.N. Limitation of the constitutional right to hold public events under the regime of response levels. *Sociology and Law. 2023;15(2):230-239.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2023-2-230-239>

Введение

В ст. 31 Конституции Российской Федерации (РФ) закреплено, что граждане России вправе собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (далее — публичные мероприятия) [1].

Данное право по своей правовой природе является основным и конституционным. Отнесение его к таковым означает, что право на проведение публичных мероприятий выступает в качестве базового для нормального развития и функционирования общества, государства и человека. В связи с этим такое право наделено особыми юридическими свойствами. К их числу можно отнести неотчуждаемость, принадлежность данного права от рождения, прямое действие, высшую юридическую силу. В теории все они должны способствовать беспрепятственной реализации этого права гражданами, свести ограничения для реализации к минимуму.

Однако такое право не является абсолютным, как отмечают исследователи, оно «может ограничиваться в целях безопасности других людей, общества и государства» [2, с. 68]. В частности, п. 9 ч. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (далее — ФКЗ № 1) установлено, что запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий допускается на основании указов Президента РФ на территории, на которой введено военное положение [3].

В настоящее время Указом Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 введено военное положение на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей [4]. Издан и Указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» (далее — Указ № 757), согласно которому в иных субъектах РФ вводятся уровни реагирования, направленные в первую очередь на обеспечение нужд воинских формирований и защиту населения

от чрезвычайных ситуаций. Согласно Указу № 757 действие уровней реагирования предусматривает возможность ограничения ряда конституционных прав и свобод граждан [5].

В связи с указанным представляется актуальным рассмотрение вопроса о фактической и юридической обоснованности возможного ограничения права на проведение публичных мероприятий в период действия уровней реагирования ввиду того, что Указ № 757 продолжает действовать и период такого действия не ограничен во времени. Исчерпывающий перечень ограничений, которые могут быть применены во исполнение данного Указа, не установлен. Подобная неопределенность может привести к практике систематического отказа в согласовании проведения публичных мероприятий со стороны органов государственной власти субъектов РФ, а также привлечения участников таких публичных мероприятий к административной и уголовной ответственности.

Материалы и методы

В целях анализа указанной проблематики нами использованы общенаучные методы (анализ, синтез, дедукция, индукция, абстрагирование) и специальные юридические (формально-юридический, юридического конструирования, технико-юридического анализа, формально-логический).

Итоги

При изучении данного вопроса мы столкнулись со следующей проблемой. В частности, нормативно-правовыми актами (законодательными и подзаконными) правовой статус режима уровней реагирования фактически не урегулирован, особенности его функционирования не определены. Между тем рассматриваемый нами режим имеет четыре разновидности (максимальный, средний, повышенный и базовый уровни реагирования). Указом № 757, по сути, установлены лишь полномочия (меры), которые могут реализовывать высшие должностные лица (органы исполнительной власти) субъектов в рамках уровней реагирования.

С учетом максимального уровня реагирования из п. 1 Указа № 757 следует, что на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей могут применяться меры, предусмотренные ФКЗ № 1 [5]. Это представляется вполне логичным и обоснованным ввиду того, что на указанных территориях введено военное положение. Соответственно, при максимальном уровне реагирования напрямую предусмотрена возможность ограничения права на публичные мероприятия.

На территориях, на которых предусмотрены средний, повышенный и базовый уровни реагирования, военное положение не введено. Федеральным законодательством, а именно ст. 8 ФКЗ № 1, предполагается введение специальных режимов на территориях, на которых военное положение не введено. Однако из указанной статьи следует, что применяемые в рамках такого специального режима меры не затрагивают личные и политические права граждан (за исключением права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации), в отличие от мер, введение которых будет возможным на территориях, на которых введено военное положение [3].

В свою очередь, если обратить внимание на содержание Указа № 757, то становится очевидным, что изложенные в нем меры предусматривают ограничение личных прав граждан (например, при среднем уровне реагирования может быть ограничено право на свободу передвижения) [5]; при этом перечень мер являет-

ся открытым. Соответственно, высшие должностные лица (органы исполнительной власти) субъектов РФ, расположенных на территориях со средним, повышенным и базовым уровнем реагирования, не лишены возможности принимать меры, направленные на ограничение иных личных и политических прав граждан (в том числе права на свободу публичных мероприятий). Однако вопрос о фактической обоснованности таких ограничений остается открытым.

В Указе № 757 не определены цели, для достижения которых конституционное право граждан на свободу собраний может быть ограничено в условиях режимов реагирования. Нормативное регулирование особенностей функционирования подобного административно-правового режима отсутствует, как и отсутствуют монографические исследования, посвященные данной тематике.

Между тем, как следует из содержания указов Президента РФ, режим уровней реагирования является производным от военного положения. В итоге приходим к выводу о том, что цели для ограничения прав граждан в условиях рассматриваемого режима и в условиях военного положения должны совпадать. Ввиду этого для ответа на поставленный вопрос будем исходить из целей, для достижения которых конституционные права граждан (в том числе на свободу собраний) ограничиваются при военном положении.

Кроме того, ввиду производного характера режима уровней реагирования от военного положения, ограничения, действующие в его условиях, не могут быть жестче или шире по объему, нежели ограничения, применяемые в условиях военного положения. В связи с этим нам необходимо установить, соответствуют ли запреты и ограничения на проведение публичных мероприятий в условиях военного положения Конституции РФ. Очевиден тот факт, что в случае, если подобные запреты и ограничения не соответствуют Конституции РФ при военном положении, они, как следствие, не будут соответствовать ей и в условиях режима уровней реагирования.

Для ответа на поставленные вопросы обратимся к положениям Основного закона страны. Если исходить из его буквального толкования, можно заключить, что Конституция РФ не предусматривает возможности для ограничения права на проведение публичных мероприятий в условиях военного положения. Так, ни в ст. 87 Конституции РФ (в которой говорится о военном положении), ни в ст. 56 Конституции РФ (из которой следует, что отдельные ограничения прав и свобод могут быть установлены в условиях чрезвычайного положения) прямо не указано на возможность запрета или ограничения права на свободу публичных мероприятий.

Однако, по нашему мнению, к ст. 56 Конституции РФ следует применять расширительное толкование: распространять установленные ею ограничения не только на случаи чрезвычайного, но и военного положения. В ч. 3 ст. 56 Конституции РФ установлен перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению ни при каких условиях, даже при введении чрезвычайного положения. Право на свободу публичных мероприятий, предусмотренное ст. 31 Конституции РФ, в этом перечне не содержится. Соответственно, оно подлежит ограничению при чрезвычайном положении.

Анализируя содержание ч. 1 ст. 56 Конституции РФ, можно вычленил следующие условия, имеющие значение для настоящего исследования, при которых допустимо ограничение конституционных прав и свобод граждан (в том числе права на свободу публичных мероприятий) в случае введения чрезвычайного положения:

- подобные ограничения установлены в целях обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя;

— возможность ограничения конкретных прав и свобод должна быть предусмотрена соответствующим федеральным конституционным законом.

Введение режима чрезвычайного положения регулируется Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (далее — ФКЗ № 3). Согласно ст. 3 ФКЗ № 3, режим чрезвычайного положения вводят при наличии обстоятельств, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни, безопасности граждан или конституционному строю РФ и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер [6]. Статьей 11 ФКЗ № 3 также предусмотрена возможность запрещения или ограничения на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий в условиях чрезвычайного положения [6]. Иными словами, возможность введения запретов и ограничений в отношении права на проведение публичных мероприятий при чрезвычайном положении полностью соответствует положениям Конституции РФ, поскольку такие запреты и ограничения предусмотрены федеральным конституционным законом и вводятся в целях обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя.

Из положений ФКЗ № 1 следует, что режим военного положения вводят с целью создания условий для отражения или предотвращения агрессии против России (ч. 2 ст. 1 ФКЗ № 1) [3]. Полагаем верным утверждать, что агрессия против России влечет за собой непосредственную угрозу жизни, безопасности граждан и конституционному строю, а ее отражение видится невозможным без применения особых (чрезвычайных) мер. Как указано выше, п. 9 ч. 2 ст. 7 ФКЗ № 1 предусмотрена возможность ограничения и запрета права на свободу публичных мероприятий [3]. Обусловленность введения ограничений в отношении определенного круга конституционных прав и свобод при чрезвычайном и военном положении представляется тождественной по своей правовой природе. С учетом изложенного приходим к выводу о том, что запреты и ограничения на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования, а также иных массовых мероприятий в условиях военного положения, установленные п. 9 ч. 2 ст. 7 ФКЗ № 1, следует признать обоснованными, поскольку такие запреты и ограничения в условиях военного положения, как и в условиях чрезвычайного положения, вводят в целях обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя, на основании Федерального конституционного закона, что полностью соответствует требованиям ст. 56 Конституции РФ.

Возможность ограничения отдельных прав и свобод человека и граждан обусловлена и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, из которой следует, что подобные ограничения допустимы в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [1]. Несомненно, ограничение права на проведение публичных мероприятий обусловлено обеспечением обороны страны и безопасности государства. Об этом речь идет в ч. 4 ст. 1 ФКЗ № 1. Все это в итоге направлено на сохранение действующего конституционного строя.

Не в меньшей степени подобные ограничения обусловлены и защитой прав и законных интересов человека, в первую очередь в целях обеспечения основополагающих прав, существование человека без которых будет невозможным (права на жизнь и здоровье). Соответственно, ограничение права на свободу публичных мероприятий при военном положении видится обоснованным и с точки зрения ст. 55 Конституции РФ, поскольку его вводят в целях защиты основополагающих прав и свобод человека и гражданина, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Подобные выводы подтверждены и правовой позицией единственного официального толкователя Основного закона страны — Конституционного Суда РФ. Так, согласно постановлению Конституционного Суда РФ от 18 мая 2012 г. № 12-П, право на свободу публичных мероприятий не является абсолютным и «может быть ограничено федеральным законом в соответствии с критериями, предопределяемыми требованиями ст. 17 (ч. 3), 19 (ч. 1 и 2) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, на основе принципа юридического равенства и вытекающего из него принципа соразмерности, то есть в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [7].

С конституционно-правовой обоснованностью ограничений прав и свобод граждан в условиях военного положения согласны и современные ученые-исследователи. В частности, профессор А. А. Подмарев приходит к выводу о том, что «дополнительные ограничения прав и свобод личности являются необходимым элементом института военного положения... позволяют расширить полномочия государственных органов, и в этом смысле они являются одним из инструментов, позволяющих отразить агрессию и восстановить конституционный правопорядок». Но одновременно с этим такие ограничения «не должны влечь за собой какой-либо дискриминации отдельных лиц или групп населения по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также по другим обстоятельствам (ст. 19 Конституции РФ)» [8, с. 99]. Речь идет и о праве на проведение публичных мероприятий.

Итак, сформулируем цели, для достижения которых право на публичные мероприятия может быть ограничено в условиях военного положения:

- сохранение конституционного строя путем обеспечения обороны страны и безопасности государства;
- обеспечение безопасности основополагающих прав (права на жизнь и здоровье) неограниченного числа лиц.

Ввиду производного характера режима уровней реагирования от военного положения приходим к выводу о том, что введение ограничений в отношении права на публичные мероприятия в условиях уровней реагирования может быть признано фактически обоснованным исключительно в случае, если такие ограничения введены для достижения указанных выше целей. При этом особенно важно, чтобы угроза сохранению конституционного строя и обеспечению основополагающих прав граждан была непосредственной, то есть ее не избежать без ограничения права на проведение публичных мероприятий. В ином случае подобные меры в условиях режима уровней реагирования будут не соответствовать признаку разумной соразмерности и приведут к чрезмерному ограничению конституционных прав граждан в нарушение требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

На наш взгляд, ограничения на проведение публичных мероприятий могли бы быть признаны фактически обоснованными в рамках среднего уровня реагирования. Так, согласно Указу № 757, данный уровень введен в Республике Крым, Краснодарском крае, Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской, Ростовской областях и городе Севастополе [5], то есть в регионах, граничащих с субъектами, на территории которых установлен режим военного положения.

По мнению ряда исследователей, в частности О. И. Рубцова, публичным мероприятиям свойственен такой признак, как массовость [9, с. 268]. Однако при-

существование массового количества гражданских лиц в непосредственной близости друг от друга на территориях, граничащих с регионами, в которых введено военное положение, может негативно отразиться на их жизни и здоровье. Как следует из публикаций в государственных СМИ, субъекты РФ, в которых введен средний уровень реагирования, подвержены риску артиллерийских обстрелов и деятельности диверсионно-разведывательных групп. Соответственно, скопления граждан при проведении публичных мероприятий могут стать целью незаконной деятельности подобных противоправных элементов, служить ориентиром для вражеской артиллерии, что влечет за собой непосредственную угрозу для жизни и здоровья людей. В данном случае фактически обоснованным может стать ограничение на проведение не только публичных мероприятий, указанных в ст. 31 Конституции РФ, но и любых других мероприятий, отличающихся признаком массовости (например, спортивных, религиозных, иных).

Ввиду вышеуказанных объективных факторов на территориях, на которых введен средний уровень реагирования, государство не способно в полной мере выполнять принятые на себя обязательства по охране общественного порядка и обеспечению безопасности граждан при проведении публичных мероприятий. Эти факты, в свою очередь, могут привести к использованию таких методов политической борьбы, как перекрытие дорожного движения. Даже в мирное время это негативно может отразиться на жизнедеятельности общества, привести к ущемлению прав и свобод иных лиц. Например, анализируя происходившие летом 2019 г. в Москве публичные мероприятия, в ходе которых демонстранты осуществили перекрытие дорожного движения путем выхода большого количества граждан на проезжую часть основных дорог, А. Б. Хорев, В. И. Ракитин и Э. С. Рассаднев обращают внимание на то, что указанное обстоятельство «создало проблему функционирования муниципальных и экстренных служб Москвы» [10, с. 348]. Однако на территориях, на которых введен средний уровень реагирования, перекрытие дорог может иметь критическое значение, поскольку они не смогут быть оперативно использованы для передислокации войск, подвоза живой силы и боеприпасов в регионы, на которых введено военное положение. Все это, на наш взгляд, представляет угрозу как основополагающим правам человека и гражданина, так и конституционному строю в целом. Следовательно, введение ограничений на проведение публичных мероприятий в условиях среднего уровня реагирования представлялось бы фактически обоснованным.

В условиях базового и повышенного уровней реагирования установление ограничений в отношении права на свободу публичных мероприятий представляется нецелесообразным и чрезмерным. Регионы, в которых данные уровни введены, не граничат с территориями, на которых введено военное положение. В связи с этим государство способно надлежащим образом обеспечить безопасность массовых мероприятий как политического, так и иного характера, а значит, подобные мероприятия не влекут за собой непосредственную угрозу для жизни или здоровья граждан, для конституционного строя государства.

Однако не стоит забывать и о юридической стороне рассматриваемого вопроса. Как указано выше, правовой режим уровней реагирования законодательно не закреплен и фактически регулируется лишь Указом Президента РФ № 757. В свою очередь, как следует из рассмотренных нами выше положений ст. 55, 56 Конституции РФ, любое ограничение конституционных прав и свобод граждан станет возможным лишь на основании федеральных и федеральных конституционных законов.

Итак, складывается парадоксальная ситуация, при которой ограничение права на проведение публичных мероприятий в условиях среднего уровня реагиро-

вания юридически становится невозможным даже при его фактической обусловленности ввиду отсутствия соответствующего правомочия по его ограничению в федеральном законодательстве. Как справедливо утверждает В. В. Лапаева, в ст. 55 Конституции РФ «говорится о том, что в условиях нормального режима правовой регуляции, не связанного с введением чрезвычайного положения, федеральный закон может ограничивать любые права и свободы без указания временных пределов таких ограничений», а, согласно ст. 56 Конституции РФ, «отдельные ограничения прав и свобод допускаются лишь в условиях чрезвычайного положения, лишь в заданных пределах и только на определенный срок» [11, с. 14]. Как установлено нами ранее, ст. 56 Конституции РФ распространяет свое действие и на случаи военного положения, а режим уровней реагирования является производным от военного положения.

Ввиду изложенного представляется, что возможность и порядок ограничения права на проведение публичных мероприятий в условиях среднего уровня реагирования должны быть установлены именно федеральным конституционным законом (в частности ФКЗ № 1). При этом соответствующей правовой нормой должны быть предусмотрены пределы и сроки установления такого ограничения. Только при соблюдении указанного выше условия возможность ограничения рассматриваемого нами права будет обоснована не только фактически, но и юридически.

Таким образом, целесообразен вывод о том, что право на проведение публичных мероприятий может быть ограничено на территориях субъектов, на которых введен режим максимального уровня реагирования. В условиях среднего уровня реагирования ограничение данного права может быть фактически обосновано наличием непосредственной угрозы конституционному строю и основополагающим правам граждан в результате проведения подобных мероприятий. Однако в контексте действующего законодательства становится понятным, что правовые основания для подобного ограничения в настоящее время отсутствуют.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 17.04.2023).
2. Рамазанова Э. Т., Гасанов Г. А. Конституционное ограничение прав и свобод человека // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 34. № 2. С. 66–69. DOI: 10.21779/2224-0241-2020-34-2-66-69
3. О военном положении: федер. конст. закон РФ от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 1 июля 2017 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/ (дата обращения: 17.04.2023).
4. О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей: указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 756 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190002> (дата обращения: 17.04.2023).
5. О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756: указ Президента РФ от 19 октября 2022 г. № 757 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190003> (дата обращения: 17.04.2023).
6. О чрезвычайном положении: федер. конст. закон РФ от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (дата обращения: 17.04.2023).

7. По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 3 части 4 статьи 5 и пункта 5 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина С. А. Каткова: постановление Конституционного Суда РФ № 12-П от 18 мая 2012 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130163/ (дата обращения: 17.04.2023).
8. Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях военного положения в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2018. Т. 18. № 1. С. 96–100. DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-1-96-100
9. Рубцов О. И. Понятие и признаки публичного мероприятия // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 268–274. DOI: 10.24412/1608-8794-2021-3-268-274
10. Хорев А. Б., Ракутин В. И., Рассаднев Э. С. Сравнительный анализ специальных средств, применяемых правоохранительными органами различных стран при пресечении современных массовых беспорядков // Практика служебно-боевого применения войск при проведении специальных операций и мероприятий: сборник науч. ст. по материалам межвуз. конф. Новосибирск: Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии РФ, 2021. С. 346–350.
11. Лапаева В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 13–23.

References

1. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the national vote on July 1, 2020. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed on 17.04.2023). (In Russ.).
2. Ramazanov E.T., Hasanov G.A. Constitutional restriction of human rights and freedoms. *Yuridicheskii vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law Herald of Dagestan State University*. 2020;34(2):66-69. (In Russ.). DOI: 10.21779/2224-0241-2020-34-2-66-69
3. On martial law. Federal constitutional law of the Russian Federation of January 30, 2002 No. 1-FKZ (as amended on July 1, 2017). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35227/ (accessed on 17.04.2023). (In Russ.).
4. On the introduction of martial law in the territories of the Donetsk People's Republic, Lugansk People's Republic, Zaporozhye and Kherson regions. Decree of the President of the Russian Federation of October 19, 2022 No. 756. Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190002> (accessed on 17.04.2023). (In Russ.).
5. On measures taken in the constituent entities of the Russian Federation in connection with Decree of the President of the Russian Federation of October 19, 2022 No. 756. Decree of the President of the Russian Federation of October 19, 2022 No. 757. Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190003> (accessed on 17.04.2023). (In Russ.).
6. On the state of emergency. Federal Constitutional Law of the Russian Federation of May 30, 2001 No. 3-FKZ (as amended on July 3, 2016). Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (accessed on 17.04.2023). (In Russ.).
7. On the case of checking the constitutionality of the provisions of part 2 of article 20.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, paragraph 3 of part 4 of article 5 and paragraph 5 of part 3 of article 7 of the Federal Law "On meetings, rallies, demonstrations, processions and pickets" in connection with the complaint of citizen S.A. Katkov. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 12-P dated May 18, 2012. Konsul'tantPlyus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130163/ (accessed on 17.04.2023). (In Russ.).

8. Podmarev A.A. The person and citizen rights and freedoms restriction in the conditions of the martial law in the Russian Federation. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya Seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*. 2018;18(1):96-100. (In Russ.). DOI: 10.18500/1994-2540-2018-18-1-96-100
9. Rubtsov O.I. Concept and features of the public event. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 2021;(3):268-274. (In Russ.). DOI: 10.24412/1608-8794-2021-3-268-274
10. Khorev A.B., Rakitin V.I., Rassadnev E.S. Comparative analysis of special means used by law enforcement agencies of various countries in the suppression of modern mass riots. In: The practice of service and combat use of troops during special operations and events. Proc. Inter-univ. conf. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute of National Guard Troops of the Russian Federation; 2021:346-350. (In Russ.).
11. Lapaeva V.V. The problem of restricting the rights and freedoms of man and citizen in the Constitution of the Russian Federation (the experience of doctrinal comprehension). *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2005;(7):13-23. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. А. Моисеенко — аспирант кафедры конституционного и международного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Н. Н. Жильский — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта (СПбГАСУ); 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4; профессор кафедры конституционного и международного права (СПбУТУиЭ); 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

D. A. Moiseenko — postgraduate student at the Department of Constitutional and International Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

N. N. Zhilskiy — Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of Legal Regulation of Urban Development and Transport (SPbGASU); 4, 2nd Krasnoarmeyskaya st., St. Petersburg 190005, Russia; Professor at the Department of Constitutional and International Law (UMTE); 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 05.06.2023; принята к публикации 10.07.2023.

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 05.06.2023; accepted for publication 10.07.2023.